

Из быта приказных духовного ведомства прежнего времени

В «Русской Старине» помещены интересные воспоминания из быта духовного ведомства с. 25
прежнего времени, в высокой степени характерные для нравов «доброего» прошлого, очень, сравнительно, нам близкого. «Наши воспоминания, — говорит автор, г. Н. Соловьёв, — о переяславльском (город Переяславль-Залесский, Владимирской губернии, следовательно, в самом центре России) духовном правлении относятся к концу пятидесятих годов», то есть накануне возрождения русской жизни. В Переяславле сосредоточивалось управление духовенством двух уездов — Переяславльского и Александровского.

Около здания правления во всякое время года толпились с раннего утра лица духовного звания обоёго пола. Вдовы духовенства в чёрных платках на головах и с готовыми слезами на глазах; священники; диаконы, дьячки и пономари, в присвоенном их званию одеянии. Все они приезжали из своих деревенских уголков, конечно, не по доброй воле, а в силу крайней необходимости, так как здесь вершились дела и судьбы лиц духовного сословия. Главным воротилой в духовных делах был «повытчик». Он для духовенства был сила великая — и прокурор, и адвокат.

В конце пятидесятих годов правленским повытчиком был некий Иван Андреевич Тихонравов, председателем — настоятель переяславского Никитского монастыря Нифант и членами — четыре священника. Несмотря на многочисленность состава правления, главной пружиной и пульсом его был повытчик. К нему обращались все просители, и голос его имел перевес над всеми голосами членов присутствия. Особенно доходны были дела судебные между членами причтов, а также разные погрешности и прегрешения духовных лиц, вроде неправильных записей браков, ошибки в метриках и тому подобного. При правлении была канцелярия, наполненная приказными, положение которых было самое незавидное. Сам повытчик получал 7 р. в месяц, а приказные от 2 р. 50 к. до 5 к. в месяц. Тем не менее, Тихонравов имел собственный большой дом, а приказные собственные хижинки.

Очень интересен рассказ о прибытии в г. Переяславль повытчика Тихонравова. Приехал с. 26
он вечером и тотчас же отправился в духовное правление. Здесь были налицо все приказные. Заняты они были разговором о грядущих строгих временах, ибо слух о строгостях Тихонравова дошёл до Переяславля из Мурома, откуда Тихонравов был назначен для приведения в порядок дел переяславского духовного правления. Потолковав о том, что ожидает их в будущем, приказные решили пока что устроить пирушку в канцелярии правления. Явилась четвертная водки, за нею другая, и пирушка окончилась потасовкой. В это самое время явился в правление Тихонравов, приказал приказным выстроиться по старшинству чина и приступил к опросу фамилий.

— Как твоя фамилия?

— Теньковский.

— Какой считаешь чин?

— На что нам, сударь, чины, когда нет ни водки, ни ветчины, — отвечал пьяненький приказный.

Тихонравов пришёл в ужас от этих слов и выгнал приказного вон. Опросив остальных, Тихонравов вступил в отправление своей должности. Он прежде всего наблюдал, чтобы днём приказные не пили в здании правления водку, а вечером, когда они обязаны были находиться в канцелярии, заставлял их читать газету «Северную Пчелу». Для приказных, не привыкших к чтению, такое распоряжение являлась неимоверною тяжестью, и под монотонное чтение дежурного они засыпали крепким сном. Приходя в правление, Тихонравов прежде всего экзаменовал приказных из прочитанного и не исполнивших приказания ставил на колени в угол и сёк розгами. Несмотря на все строгости, приказные предпочитали водку «Северной Пчеле» и напивались по-старому. Заставая их в таком виде, Тихонравов разбивал полуштофы о головы виновных, а дежурный приказный, достававший водку, сажался на цепь внизу правления. Кроме исполнения своих обязанностей, приказные исполняли недельные дежурства у повытчика, заменяя ему денщиков: кололи дрова, возили воду, парили его в бане, и прочее.

И в руках этой-то орды находилась участь духовенства двух уездов. Сам Тихонравов грабил живых и мёртвых. Они являлись к нему с посулами, и правые, и виновные, и кто больше давал, тот и достигал желаемого.

Но более капитальные, положительные и строго определённые доходы у всего состава правления, то есть у членов, повытчика и приказных были в сентябре и январе каждого года. В сентябре духовенство сдавало так называемые духовные исповедные росписи, а в январе метрические книги и всю церковную экономическую отчётность. Означенные месяцы были праздником для всего духовного ведомства. В это время около правления толкотня была невообразимая и пьянство приказных весьма изрядное.

При сдаче отчётов требовалось одно условие — уплатить в пользу правления с каждой ста душ в приходе по рублю. Деньги делились не только между служащими в правлении, но часть их повытчик отвозил в духовную консисторию. Насколько причты были обременены поборами в пользу приказных, можно видеть из того, что до семидесятых годов взималось в консистории по одному рублю за каждый брачный обыск; что подчистки, помарки и описки в книгах, — всё это облагалось взятками разных размеров как в духовных правлениях, так и в консисториях.

с. 27

Как только выпадал снег и устанавливался санный путь, которого правленские и консисторские приказные ждали, как манны с неба, приказная братия, соблюдая строгую очередь, отправлялась собирать «новь». Одна очередь чиновников ездил с ноября до Рождества, другая — с половины января до Благовещения. Приказные, обыкновенно вдвоём, обзаводились лошадёной и устраивали своеобразные повозки, столь известные духовенству того времени.

Я, как сейчас, пред собою вижу следующую картину из своего раннего детства. Зимние сумерки, мой батюшка в сарае готовит корм скоту, к крыльцу нашего дома подъезжает рогожная повозка, из которой вылезает полупьяная особа правленского приказного. Матушка спешит в сарай оповестить батюшку о прибытии гостя. Батюшка с сердцем оставляет своё дело и ворча про себя спешит в дом. Приказный начинает приветствием, за которым следуют рассказы, новости, сплетни, причём убогаются чаем, водкой, закуской, а на прощанье полтиной и мерой ржи и овса. Этот заезжий гость, начав со священника, навещает всех членов причта, у всех угощается, получает подавание и отправляется в следующее село. Не успеет причт проводить правленского приказного, наезжает более дальний гость, приказный консисторский, который также угощается и убогаются подаванием. За приказными в скором времени появляются консисторские сторожа, всё за тем же подаванием. Сухой приём правленских или консисторских приказных для нелюбезных и экономных членов причта навлекал неприятности, ибо как ни ничтожны были господа приказные, но и они могли вредить и вредили духовенству по службе. Бывали случаи, что по интригам приказной мелюзги священники переводились с хороших на худшие приходы, а гостеприимные — из плохих приходов на хорошие. Конечным всем этим безобразиям, если не в полной степени, то во всяком случае в достаточной, положен реформами императора Александра II, коснувшимися и нашего духовенства.

В дополнение журнал приводит «роспись месячных окладов содержания служащих в духовном правлении в 1851 г.»:

Расписание, учинённое в Вязниковском духовном правлении о выдаче служащим в оном столоначальнику, канцелярским служителям и сторожам, за минувший январь 1851 г. жалованья:

1	Столоначальнику губернскому секретарю Василию Тихонравову	4 руб. 71,5 коп.
2	Губернскому секретарю Стефану Формозову	1 руб. 20 коп.
3	Губернскому секретарю Василию Эпидинскому	1 руб. 20 коп.
4	Губернскому секретарю Стефану Тривоянскому	1 руб. 10 коп.
5	Писцу 2-го разряда Александру Нечаеву	0 руб. 79 коп.
	Сторожам:	
1	Михаилу Григорьеву	0 руб. 53,5 коп.
2	Константину Анировскому	0 руб. 53,5 коп.
	Итого	10 руб. 7,5 коп.

1851 года февраля 5-го дня в журнале Вязниковского духовного правления под № 22-м заключено: согласно учинённому расписанию выдано служащим в сём правлении чиновникам и сторожам жалованье по надлежащему. — Сверил: губернский секретарь Формозов.

«Свежо предание, а верится с трудом», что всё это творилось вполне открыто, не вызывая ни жалоб, ни протеста. Как ни тяжело положение сельского духовенства и в наше время, всё же оно избавлено во многом, и властвование дикой орды пьяных приказных с повытчиками не может быть сравниваемо с современными тяготами. Великая эпоха шестидесятих годов и в этой области совершила чудо.